

Чувствуя, как Шань схватил его, Вэйиньсы яростно прорычал:

— Отпусти!

С этим выкриком Вэйиньсы резко дернул запястьем, пытаясь вырваться. Его мышцы напряглись, вздулись вены, а шрамы на руках под ярким солнцем выглядели особенно пугающе. Он отчетливо ощущал силу, исходящую от пальцев Шаня, — прикосновение, до боли знакомое и вызывающее ужас.

Шань не разжал пальцев. Его взгляд, прикованный к шрамам на руках Вэйиньсы, был полон тревоги. Эти отметины остались у Вэйиньсы за годы скитаний и после тех событий прошлого, о которых он не хотел вспоминать. У Шаня сердце разрывалось от боли: ведь до того, как Вэйиньсы ушел, на его теле не было ни единого шрама. Он не мог смириться с тем, что его Вэйиньсы пришлось через это пройти. Что же он пережил за эти шесть лет, пока был вне поля зрения? Если бы он всё это время оставался рядом, разве позволил бы ему так себя изувечить?

— Где ты сейчас живешь? — спросил Шань так естественно, словно между ними никогда не было ни ссор, ни отчуждения.

Наглость Шаня ошеломила Вэйиньсы. Скрипнув зубами, он огрызнулся:

— Тебе-то какое дело!

В тот же миг он ударил свободной рукой, пытаясь через атаку вырваться из захвата. Однако движения Шаня, хоть и казались медленными и вялыми, с легкостью позволили ему уклониться и снова намертво вцепиться в запястье Вэйиньсы.

Огромная разница в силе вызвала у Вэйиньсы приступ бессильной ярости. За шесть лет он сменил множество мест, прошел через бесчисленные смертельные схватки, и его мастерство давно вышло на новый уровень. Но при встрече с Шанем он снова почувствовал себя беспомощным ребенком. Это осознание, словно ядовитый шип, глубоко вонзилось в его самолюбие.

Прохожие, заметив суматоху, начали собираться вокруг, перешептываясь и указывая пальцами.

— Смотрите, рыжий...

— Это не владелец аптеки с Центральной улицы?

— Они что, ссорятся?

— Его пристал какой-то чужак? Может, помочь или позвать рыцарей?

Вэйиньсы обвел взглядом зевак, а затем с отвращением посмотрел на Шаня, который, несмотря на все попытки вырваться, продолжал крепко его держать, не теряя мягкой улыбки. Вэйиньсы понимал: если продолжать этот балаган, он лишь опозорится еще больше. Этот

человек остался прежним — он совершенно не считался с его желаниями и чувствами, действуя лишь так, как считал правильным. Он всё еще смотрел на него как на редкого зверя из леса, которого нужно защитить и запереть в клетке рядом с собой.

— ...Отпусти, — голос Вэйиньсы стал глухим, пропитанным ледяным спокойствием. — Я отведу тебя.

Шань понял, что Вэйиньсы пошел на уступку. Он слегка кивнул, разжал пальцы и завел руки за спину. На его лице по-прежнему играла мягкая улыбка, будто ничего не произошло. Вэйиньсы потер запястья, на которых остались красные следы, словно пытаясь стереть само ощущение чужого прикосновения. Он развернулся, не глядя на Шаня, и зашагал к своему дому.

Шань молча следовал за ним, держась на небольшом расстоянии. Его разноцветные глаза неотрывно следили за спиной Вэйиньсы. Для него Вэйиньсы был не просто детенышем, которого нужно защищать ценой жизни, — он был сородичем, которого Шань вырастил своими руками, его единственным близким человеком. Как бы далеко ни убежал Вэйиньсы, как бы ни менялся его статус, он никогда не сотрет клеймо, которое оставил на нем Шань. Вэйиньсы по праву принадлежал ему.

Солнце палило, дул легкий ветерок. Однако вокруг них словно возникло невидимое поле напряжения, отсекающее шум рынка и суету города. Вэйиньсы отчетливо чувствовал на себе этот настойчивый взгляд, от которого, как от тени, невозможно было избавиться, и невольно ускорил шаг.

Дом Вэйиньсы находился в тихом переулке, ближе к центру района Мираж. Этот район был отведен властями для приезжих с определенным достатком — номинально ради помощи, а фактически для удобства слежки. Вэйиньсы остановился у двухэтажного здания с темно-серыми стенами, которое выглядело неприметным и прочным. Никаких вывесок, во дворе лишь желтый песок и редкие сорняки. Это место было не только его жильем, но и лабораторией: в подвале он хранил тщательно изготовленные зелья и магические артефакты.

Вэйиньсы подошел к двери и с помощью магического резонанса отворил тяжелую створку. Он не оглянулся и не пригласил Шаня войти, а просто шагнул внутрь и с силой захлопнул дверь, надеясь отгородиться от всего мира.

Однако дверь не поддавалась. Чья-то рука уверенно легла между дверью и косяком, раздался глухой удар. Шань вошел следом, всё с той же мягкой улыбкой. Он спокойно смотрел на Вэйиньсы, который стоял в гостиной спиной к нему, слегка подрагивая плечами.

— Ты живешь здесь? — Шань окинул помещение любопытным взглядом. Его золотой левый глаз выхватывал детали: карту на стене, инструменты алхимика в углу, в то время как серый правый глаз различал лишь общие очертания и цвета.

Гостиная была небольшой и полутемной. В воздухе витал слабый запах кожи, пыли и едва

уловимые нотки трав вперемешку с металлом. На стене висели грубоватые карты с пометками, сделанными чернилами разных цветов. В углу громоздились тюки и ящики, из одного, приоткрытого, выглядывали глиняные горшки для зелий и металлические сосуды. Всё выглядело лаконично и функционально, и ни малейшего намека на присутствие другого человека. Осознание того, что Вэйиньсы живет здесь один, доставило Шаню странное удовольствие.

Вэйиньсы медленно обернулся, его лицо по-прежнему выражало ледяное отчуждение.

— Ну и что с того? — он прислонился к деревянному столу, скрестив руки на груди, и холодно уставился на Шаня алыми глазами. — Насмотрелся? Если да, то проваливай.

Шань проигнорировал приказ убираться. Он прошел в центр гостиной и, оглядывая карты и инструменты, улыбнулся еще шире:

— Занимаешься сбором информации? И всё еще практикуешь алхимию?

В его голосе звучало одобрение, словно у учителя, увидевшего, что ученик перевыполнил программу.

— Это тебя не касается, — отрезал Вэйиньсы, голос его звенел от холода. — Мне всё равно, как ты меня нашел и почему нарушил все те дурацкие клятвы, которыми ты и твои старые пердуны так кичились, когда решили покинуть лес. Я живу хорошо, мне не нужна твоя забота, и тем более я не собираюсь возвращаться в ту дыру.

Он сделал паузу, его взгляд стал острее, а голос — жестче:

— Шесть лет назад мне удалось ускользнуть у тебя из-под носа. Если ты и сегодня думаешь, что можешь держать меня при себе как свою собственность, я не побрезгую...

Он не успел договорить, потому что Шань внезапно шагнул к нему. Он остановился так близко, что это стало невыносимым.

— Не будь со мной таким холодным. Где ты был все эти шесть лет?

Вэйиньсы чувствовал исходящий от него слабый аромат лесного воздуха после дождя. Этот запах, знакомый с детства, должен был успокаивать, но всё, что исходило от Шаня, вызывало лишь отвращение. Видя, что Вэйиньсы молчит, Шань склонил голову, вглядываясь в его лицо своими разноцветными глазами. Его взгляд был прямым и пристальным. Он поднял руку, словно собираясь, как прежде, погладить Вэйиньсы по волосам или щеке, но замер в воздухе. Поколебавшись, он лишь слегка похлопал его по плечу.

— Ты похудел, — прошептал Шань, и в его голосе слышалась неприкрытая жалость.